

Пётр Толочко

Литовский князь Войшелк в русских летописях

В книге «Русские летописи и летописцы X–XIII вв.», не разделяя в целом выводы исследователей о литературном жанре *Волынской летописи* второй половины XIII в., якобы составленной из отдельных повестей, я высказал осторожное предположение, что, возможно, только сюжет о литовском князе Войшелке «тянет» на повесть¹. Должен признаться, что это была скорее дань традиции, идущей от М. С. Грушевского², чем собственное внутреннее убеждение, вытекающее из анализа летописного текста. Повести о Войшелке в ее литературном жанровом своеобразии в летописи нет.

Есть хроника Войшелковской жизни, охватывающая 13–14 последних лет, при этом описанная не компактно, в одном месте и в едином тексте, но в полном соответствии с летописной традицией — в восьми летописных статьях. Можно, разумеется, предположить, как это обычно и утверждают сторонники повестевого характера *Галицко-Волынской летописи*, что некогда самостоятельное литературное повествование было разорвано на отдельные фрагменты при составлении летописных сводов или редактировании всей летописи. Но такое утверждение было бы корректным, если бы фрагменты, собранные в единый текст, дали сюжетно целостное и содержательно непротиворечивое произведение. В случае с жизнеописанием Войшелка ничего похожего нет. Внимательное прочтение летописных известий показывает, что они не только не составляют в сумме единого рассказа, но и принадлежат разным авторам.

Впервые о Войшелке говорится в летописной статье 1255 года. «Потомъ же Войшелкъ створи мирь с Даниломъ, и выда дщерь Миндогдову за Шварна, сес-

Выражаю благодарность Дариушу Домбровскому, любезно ознакомившему меня со своей неопубликованной работой „Powieść o Wojsielku”.

1 Толочко П. П. *Русские летописи и летописцы X–XIII вв.* СПб., 2004. С. 261.

2 М. С. Грушевский первым предложил считать летописные известия о Войшелке повестью. Однако исходил он, судя по всему, не столько из анализа текстов, рассказывающих об этом литовском князе, сколько из общего своего убеждения в литературном характере Галицко-Волынской летописи, составленной в 1280-х гг. из больших и малых повестей. К тому же, эта повесть (первоначально названная им рассказом об украинско-литовских отношениях и событиях 1260-х гг.) начиналась историей убийства Миндовга и завершалась рассказом об убийстве самого Войшелка. Более ранние известия о Войшелке, судя по всему, М. С. Грушевский не относил к ней. См.: Грушевський Михайло. *Історія української літератури*. Т. 3. К., 1993. С. 170–172.

тру свою»³. Если бы летописец ограничился только этим сообщением, его вполне можно было бы признать синхронным событию. В этом году Данило Романович ходил войной на Литву, в район Новгородка, а Войшелк, во избежание больших неприятностей, поспешил заключить с ним мир, скрепленный затем родственными узами. Но продолжение статьи не позволяет сделать такое предположение. Оно определенно обнаруживает признаки позднейшего припоминания, причем передает события не одного, а нескольких лет. Сначала было отречение Войшелка от княжеского стола, затем пострижение его в монастырь, потом неудавшаяся попытка свершить паломничество на Святую Гору (Афон), которому содействовал Данило Романович через венгерского короля, и, наконец, возвращение из Болгарии в Русь.

И приде [Войшелк — П. Т.] в Холмъ к Данилу, оставивъ княжение свое и восприемъ мнискый чинъ, и вдасть Романови, сынови королеву, Новгородъ отъ Миндога и отъ себе Вослонимъ и Волковьескъ и всѣ города, а самъ просися ити во Святую Гору: и наиде ему король путь у короля Угорьского, и не може дойти Святыя Горы и воротися в Болгарьхъ⁴.

О точном времени этой записи сказать что-либо определенное трудно. Она несомненно испытала позднейшее редакторское вмешательство, о чем свидетельствует наименование Данила королем, но, в целом, видимо, не слишком отдалена от событий, рассказанных в ней. Судя по свидетельству летописной статьи 1260 г., Войшелк не долго пребывал в новом своем качестве. Вскоре он и монастырь оставил, и о мире с Данилом Романовичем забыл. Вернул он себе и княжеский стол, так легкомысленно отданный Роману Даниловичу. Это со всей очевидностью следует из летописного свидетельства о военных походах на Литву Василька и Данила Романовичей.

Поход Василька был вызван необходимостью защитить поруганную честь Романа. «Ищуцю ему сыновца своего Романа, воеваша землю Литовскую и Нальщанскую»⁵. Еще более информативно сообщение о походе Данила. Ему пришлось силой овладевать теми городами, которые Войшелк совсем недавно передал Роману. При этом, Данило пытался пленить литовского князя, как «ворога своего».

Потомъ же Данило король ѣхавъ взя Волковьескъ, и Глѣба князя пославъ и держащеть и во чести: яко болма бо еха по Волковьеску, ловя яти ворога своего Вышелка и Гевтила⁶.

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 830.

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 830–831.

⁵ Там же. Стб. 847.

⁶ Там же.

Далее летописец объясняет причину гнева Данила на Войшелка: тот учинил великое коварство, пленил сына Романа. «Искаше его по стаемь посылая люди, и не обрѣте ею, бѣста бо велику леств учинила, я Вышелкъ сына его Романа»⁷.

Данило имел намерение продолжить преследование и поиск Войшелка, к чему привлек и сына Льва, однако получив известие от поляков о вторжении в ятвяжскую землю татар и опасаясь собственного пленения ими, вынужден был прекратить литовский поход.

Из сказанного выше следует, что Войшелк к 1259/60 гг. сбросил с себя монашескую рясу и вернул, видимо, не без помощи Миндовга, свой стол в Новгородке. Но автор статьи 1255 г. ничего этого еще не знал, следовательно писал ее до 1259/60 г.

Второй пространный рассказ о Войшелке помещен в статье 1262 г. Поводом к этому послужило убийство его отца, великого литовского князя Миндовга. Летописец повторяет сказанное в статье 1255 г., но дополняет рассказ существенными подробностями, которых не знал первый рассказчик. Среди них: уточнение, что в монахи Войшелк был пострижен в Полонинском монастыре настоятелем Григорием; что прожил он там «три лѣта»; что свершить паломничество на Святую Гору ему не удалось из-за мятежа великого «в тыхъ земляхъ»; что по возвращении в Русь основал на Немане, «межи Литвою и Новымъ городкомъ», свой монастырь. Летописец также отметил конфликт Войшелка с отцом, не разделявшим его решение удалиться в монастырь⁸.

Нет сомнения, что здесь говорится о тех же событиях, что и в статье 1255 г., но рассказывает о них другой летописец, обладавший более полной информацией. В свое время близкую мысль высказал В. Т. Пашуто, хотя ему и не удалось избежать определенных противоречий. Говоря о рассказе, повествующем о Войшелке в летописи князя Данила, он заметил, что «остаток этого первоначального текста уцелел во владимирской летописи, и потому об одном и том же пострижении Войшелка в монахи мы читаем теперь два разных рассказа»⁹. В. Т. Пашуто, видимо, не заметил внутренней нелогичности своего же вывода о «разных рассказах». Если они разные, а это действительно так, то что дало ему основание видеть во втором рассказе «остаток» первоначального текста?

Кроме содержательного наполнения, в пользу «разности» рассказов, а, следовательно, и их авторов, свидетельствуют имеющиеся в обоих текстах, на первый взгляд, незначительные разночтения.

Согласно первому рассказу Войшелк воспринял «мнишеский чин» в Холме, куда он пришел к Данилу, согласно второму — он пришел в старую столицу Галич, причем не только к Данилу, но и к Васильку: «И посемь иде Войшелкъ до Галича к Данилови князю и Василкови»¹⁰. Там он «хотя прияти мниский чин»,

7 Там же.

8 *ПСРЛ*. Т. 2. Стб. 858–859.

9 Пашуто В. Т. *Очерки по истории Галицко-Волынской Руси*. М., 1950. С. 114.

10 *ПСРЛ*. Т. 2. Стб. 858–859.

но постригся в Полонинском монастыре. Не может быть и малейшего сомнения, что в первом случае мы имеем дело со свидетельством летописца Данила, а во втором — летописца Василька.

Причем второй летописец, скорее всего, не обратил внимания, что в одной из предшествующих летописных статей уже была близкая информация. Если бы оба рассказа (1255 и 1262 гг.) принадлежали одному автору, он наверное отметил бы это. Так, как это имело место, в частности, в статье 1257 г., рассказывающей об изгнании Романа Даниловича из Новгородка венгерским воеводой Просвелем. Это не совсем четкое свидетельство летописец снабдил таким уточнением: «Си же преже сказахомъ, яко Вышелкъ бѣ даль Новгородокъ Романови»¹¹. Из сказанного напрашивается вполне естественный вывод, что известия статей 1255 и 1257 гг. о Войшелке принадлежат одному автору.

Об оригинальности второго рассказа свидетельствует и наличие в нем сюжета о языческом периоде жизни Войшелка, в котором он предстает в облици неистового ревнителя старой веры.

Войшелкъ же нача княжити в Новѣгородѣ, в поганьстве буда, и нача проливати крови много: убивашеть бо на всякъ дань по три по четьри; которого же дни не убяшеть кого, печаловашеть тогда, колиже убьяшеть кого, тогда весель бяшеть¹².

Конечно, эта характеристика далека от реальной. Такой первобытной языческой дикости, особенно если учесть, что Войшелк княжил в русских землях, не могло быть. Ступение красок летописцу понадобилось для того, чтобы лучше оттенить чудесное обращение язычника Войшелка в благочестивого христианина. «Посемъ же вниде страхъ Божий во сердце его, помысли собѣ хотя пріяти святое крещение, и крестися ту в Новѣгородѣ и нача быть в крѣстьянствѣ»¹³.

Здесь мы имеем дело с уже давно применяемым в древнерусском летописании приемом противопоставления языческой тьмы и христианского света. Так изображены в летописи первые русские князья, порвавшие с язычеством и принявшие христианство. Видимо, владимирский летописец позаимствовал этот литературный прием из киевской летописи. О том, что она у него была, свидетельствует представление духовного наставника Войшелка игумена Григория, который «бьяшеть челоувѣкъ свять, акого же не бысть предъ нимъ и ни по немъ не будетъ»¹⁴. Это практически дословное повторение характеристики митрополита киевского Иоанна II: «Бысть же Иоанн си муж хитръ книгамъ и ученью... и сякового не бысть така преже в Руси, ни по нѣмъ не будетъ такой»¹⁵.

11 Там же. Стб. 837–838.

12 Там же. Стб. 858.

13 Там же.

14 Там же. Стб. 859.

15 Там же. Стб. 200.

В летописной статье 1260 г. есть две подробности, которые, возможно, проливают свет на время написания первого рассказа о Войшелке, а также и на возвращение его на княжение.

Первая — это указание на то, что в монастыре у Григория он находился «три лѣта». Следовательно, если пострижение состоялось в 1254 г., как полагал М. С. Грушевский¹⁶, то попытка Войшелка свершить паломничество на Святую Гору и возвращение его, что называется, с полдороги можно датировать 1257 г. Вероятно, к этому году относится и запись о нем в летописи Данила, содержащаяся в статье 1255 г. Ее автор отметил возвращение Войшелка в Русь, но еще не знал о том, что он основал свой монастырь на Немане.

Вторая подробность — это указание на место возвращения Войшелка. Казалось бы, не дойдя до Афона, он должен был вернуться в Полонинский монастырь, из которого и пустился в далекое путешествие. Но этого не случилось. Летопись свидетельствует, что вернулся он «опять в Новгородокъ», возле которого и «учини собѣ монастырь»¹⁷. Не является ли это косвенным свидетельством того, что уже в это время у него появились сомнения относительно целесообразности своего ухода из мира? Решил, на всякий случай, быть поближе к своему княжескому столу. Видимо, свою роль сыграли здесь и отеческие укоры, на которые, как наивно уверяет летописец, он, будто бы, совершенно не обращал внимания.

В 1259 г. Данило Галицкий воюет с Войшелком и называет его «своим ворогом». Следовательно, расстрижение Войшелка и возвращение его на княжеский стол случилось не позже этого года, а возможно и раньше.

В 1263 г. в судьбе Войшелка произошел новый крутой поворот. Из князька подконтрольной Миндовгу русской волости он превращается в суверена всей Литвы. Случилось это при следующих обстоятельствах. Оскорбленный в своих лучших чувствах, нальщанский князь Довмонт убивает Миндовга и двух его сыновей Рукля и Репекья¹⁸. Войшелк, как пишет летописец, «убоявся того же», бежит в Пинск. В Литве утвердились князья Тренята и Товтил, но вскоре и они погибли в междоусобном противостоянии. После этого Войшелк с пинянами идет в Новгородок, а затем с новгородчанами далее в Литву, где и занимает отцовский стол. Нет сомнения, что этому предшествовали его переговоры с литовской знатью. В пользу этого свидетельствует радушный его прием литовцами: «Литва же вся приашиа и с радостью великою своего господичица»¹⁹.

Н. Ф. Котляр пишет, что «Войшелк сбросил рясу монаха, вышел из основанного им монастыря на Немане и превратился в великого князя»²⁰. Из *Волинской летописи* этого не следует. И дело не только в том, что на литовский стол он при-

16 Грушевський М. С. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи. *ЗНТШ*. Львів, 1901. Т. 41. С. 38.

17 *ПСРЛ*. Т. 2. Стб. 859.

18 Миндовг и Довмонт были женаты на родных сестрах. После смерти своей жены Миндовг, пригласив на похороны ее сестру, затем не отпустил ее к Довмонту, а взял себе в жены.

19 *ПСРЛ*. Т.2. Стб. 861.

20 Котляр М. Ф. *Галицько-Волинський літопис XIII ст.* К., 1993. С. 124.

шел, согласно ей, не из монастыря, а из Пинска. Весь вопрос в том, когда он снял с себя монашескую рясу. Думается, в данном случае трудно полагаться на свидетельство *Новгородской первой* и ряда других поздних летописей, содержащих предание о занятии Войшелком литовского престола. «По убиении же отца своего... сойма съ себе ризу, общася Богу на 3 лѣта, како прияти риза своя, а устава мнишьского не оставя»²¹.

Конечно, это поздняя версия, не знавшая подробностей сложной биографии Войшелка. Приняв ее, мы не сможем удовлетворительно объяснить, каким образом благочестивый монах пленил Романа Мстиславовича и отчего это Данило предпринял против него карательный поход, пытаясь захватить его. Можно, разумеется, предположить, что Войшелк, после конфликта с кланом Данила Романовича вновь вернулся в монастырь, но подтвердить это нечем. Учитывая же то обстоятельство, что Данило считал его кровным врагом, вряд ли это возвращение гарантировало бы литовского князя от отместия. Относительную защищенность он мог иметь только на княжеском столе.

Не находит подтверждения в *Волынской летописи* и не совсем понятное замечание новгородского летописца о том, что на литовский престол взошел благочестивый монах, отпросившийся у Бога «на три лѣта» послужить великим князем. При этом Войшелк, будто бы, не оставил даже «устава монашеского». Летописная статья 1264 г. являет нам совсем другого человека, далекого от монашеского благочестия, решительного и мстительного.

Въ лѣто 6772 Войшелкъ же нача княжити во всей земли Литовской, и поча ворогы своѣ избивати, изби ихъ бесчисленное множество, а другии разбѣгошася, камо кто видя²².

Откуда это у скромного монаха оказалось так много врагов? И почему он, будучи человеком божьим, не жил согласно евангельской заповеди «любите врагов ваших»?

Видимо, имеем больше оснований полагать, что Войшелк, ко времени занятия им великокняжеского стола, не только пребывал в миру, но и обзавелся личными врагами, с которыми затем жестоко расправился. О том, что это не измышление владимирского летописца, свидетельствует *Новгородская первая летопись*. В статье 1265 г. она отмечает великий мятеж в Литовской земле, из-за которого только в Псков оттуда бежало 300 войшелковых врагов «с женами и детьми»²³. Определенно, с этими событиями следует связывать и приглашение псковичей нальчанского князя Довмонта на княжение. Будучи убийцей Миндовга, он вынужден был бежать от возмездия его сына.

Среди жертв Войшелка оказался и рязанский боярин Остафий Константинович, отрекомендованный как «окаянный, проклятый и беззаконный». Неизвестно, какие грехи у него были перед Войшелком, но у волынского летописца опре-

21 *НПЛ*. С. 84–85; 313–314.

22 *ПСРЛ*. Т. 2. Стб. 861.

23 *НПЛ*. С. 84–85; 313–314.

деленно не было оснований его любить. Пребывая на службе у Миндовга, Остафий осуществлял разорительные походы не только на Польшу, но и на Вольтынь. Один из них состоялся в 1262 г. «Въспомяну Миндовгъ, оже Василко князь с Богатыремь (Бурундаем — П. Т.) воевалъ землю Литовскую и посла рать на Василка, и воеваша около Каменца»²⁴. Летописец не говорит о том, кто был во главе литовской рати, но учитывая, что перед этим Остафий, по поручению Миндовга, воевал против Польши, можно предполагать аналогичную его роль и в походе на Вольтынь.

Из продолжения летописной статьи 1264 г. следует, что Войшелк в своих действиях опирался на союз с галицкими и вольтынскими князьями. Среди его поспешников был Шварн Данилович, а также Василько Романович, которого литовский князь «нарекль бо бяшетъ... отца собѣ и господина»²⁵. Понимая, что при живом Даниле Романовиче такой поступок Войшелка не совсем этичен, вольтынский летописец замечает, что «король бяшетъ тогда впалъ в болестъ велику».

Получив серьезную военную помощь от Шварна и Василька Романовича, Войшелк осуществил карательный поход против своих врагов в Литве и в Нальщанах. «И нача пристраиватися и поиде в силѣ тяжкѣ, и нача города имати, водя в Литвѣ и в Нальщанехъ; города же поймавъ, а ворогы своя избывъ, и тако придоша восвояси»²⁶. Видимо, этот поход и был причиной бегства литовской знати, а также нальщанского князя Довмонта в Псков.

Следующее упоминание о Войшелке содержится в летописной статье 1268 г. Она начинается несколько загадочной фразой. «В лѣто 6776. Княжашу Войшелкови во Литвѣ и Шварнови»²⁷. Что означает дополнение «и Шварнови» летописец не объясняет, но думается это надо понимать, как свидетельство его соправительства в Литве. В. Т. Пашуто полагал, что Войшелк и Шварн совместно княжили в Литве, причем галицкий князь держал Черную Русь²⁸. Из дальнейшего рассказа это, по существу, и следует. Литва выступила в поход на Польшу совместно с дружинами Шварна.

А вскоре Войшелк и вовсе решил передать Литовское княжество Шварну. «Посемъ же Войшелкѣ да княжение свое зятю своему Шварнови, а самъ опять восхотѣ прияти мниский чинѣ»²⁹. Во время переговоров Войшелка со Шварном, последний пытался отговорить своего литовского родственника от столь неожиданного решения, но тот остался непреклонен. Существенным в этих переговорах для нас является то, что они подтвердили факт соправительства названных князей в Литве. «Шварно же моляшетъся ему [Войшелку — П. Т.] повелику, абы еще княжилъ с нимъ в Литвѣ, но Войшелкѣ не хотешеть». Заявив, что оставаться князем ему не позволяют грехи перед Богом и людьми, и отметив, что землю он

24 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 855.

25 Там же. Стб. 862.

26 Там же.

27 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 864.

28 Пашуто В. Т. *Очерки по истории Галицко-Вольтынской Руси*. С. 293.

29 Там же. Стб. 867.

оставляет «опасеной», по-видимому, обустроенной или защищенной, Войшелк таки передал ее Шварну.

Вторичное отречение от престола стало началом заключительного акта авантюрной и драматической жизни литовского князя. Отдав стол Шварну, он идет в Угровск и постригается там в «монастырь ко святому Данилю». Чем был обусловлен именно такой выбор, сказать трудно. Казалось более логичным было бы его возвращение в свой монастырь на Немане, или же в полонинский к духовнику Григорию, где он прожил три года. Летописец объясняет это желанием Войшелка быть поближе к Шварну и Васильку Романовичу. «Се ми здѣ близъ мене сынъ мой Шварно, а другий господинъ мой отецъ князь Василько, а тѣма ся ему утѣшивати»³⁰. Не исключено, что избирая место своего монастырского житья, Войшелк руководствовался соображениями своей безопасности. Много нагрешив перед соплеменниками, он теперь стремился удалиться от них как можно дальше.

Поселившись в Свято-Даниловом монастыре, Войшелк узнал, что еще жив его наставник Григорий Полонинский и послал за ним гонца: «Господине отче! Приѣди семо» Григорий приехал к нему и «настави его на путь чернечький»³¹. Из этого сообщения, по-видимому, следует, что Войшелку пришлось вновь пройти обряд пострижения. Простым переодеванием одежд здесь вряд ли обошлось.

Долго жить в тиши монастырской обители Войшелку не пришлось. Приглашенный во Владимир на совместный с Васильком Романовичем и Львом Даниловичем обед, он гибнет от руки своего кума. Летописец объяснил эту трагическую смерть тем, что Лев не мог простить Войшелку того, что тот «даль землю Литовьскую брату его Шварнови»³². При этом Лев, как будто, и не совсем виноват. Эту страшную мысль вложил ему в сердце дьявол, который «исконѣ не хотя добра челоуѣчьскому роду, и вложи во сердце Львови, уби Войшелка завистью»³³.

При чтении летописи, повествующей об этом странном обеде и последовавшей за ним трагедии, трудно отрешиться от мысли, что летописец рассказал меньше, чем знал. Спонтанным ли было убийство Войшелка, или же давно задуманным? Чист ли в этом деле Василько Романович, который дав гарантию безопасности Войшелку, затем оставил его один на один со Львом? Почему обед состоялся не в княжеской резиденции Василька, что было бы естественным, а в усадьбе некоего «немчина» Марколота? И, наконец, почему Войшелк боялся Льва и не хотел ехать во Владимир?

Ответить на поставленные вопросы трудно. Можно лишь предположить, что расправа над Войшелком не была спонтанной, а ее причиной явилась не только обида Льва из-за обделения его землей. Главным здесь, видимо, было отмщение за гибель Романа Даниловича, которая несомненно на совести Войшелка. Летописец в статье 1260 г. говорит о «великой лести» Войшелка, пленившего Романа. Попытки вызволить его, которые предприняли Василько, Данило и его сын Лев,

30 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 867.

31 Там же. Стб. 868.

32 Там же.

33 Там же.

не имели успеха. В летописи не говорится, что Роман был убит Войшелком, но очень похоже, что так оно и было. Многие исследователи именно этим объясняли исчезновение имени Романа со страниц летописи³⁴.

Кажется невероятным, чтобы княжеская смерть не была отмечена летописцем. Но для XIII в. это не единственный случай. Нечто похожее произошло с Александром Белзским, плененным Данилом Романовичем и исчезнувшим после этого со страниц летописи, а также с Изяславом Владимировичем, взятым в плен Романом Даниловичем и также канувшим в лету. Некоторые сомнения в корректности такого предложения порождает статья 1283 г., из которой следует, что Роман был похоронен в Холме в церкви св. Богородицы. Правда, его захоронение в фамильной усыпальнице могло произойти и в случае гибели в литовском плену.

Следовательно, если предположение о причастности Войшелка к казни Романа Даниловича правильное, то убийство самого Войшелка можно рассматривать как отместку ему всего клана галицко-волинских князей³⁵. Вероятно, этим объясняется и странное поведение во всей этой истории Василька Романовича. Он пригласил Войшелка на обед, но, как оказалось, не к себе; гарантировал ему безопасность, но не поселил в своем дворце и оставил его без охраны. Видимо, схожие соображения дали основание В. Т. Пашуто полагать, что расправа над Войшелком произошла «при молчаливом сочувствии Василька»³⁶.

О том, что это могла быть своеобразная кровная месть, нередкая в истории междукняжеских отношений, возможно, подтверждают и слова Льва Даниловича, обращенные к сыну Юрию, в которых содержится совет не ходить в поход на Польшу вместе с литовцами. Причина? Литовцы могут отомстить Юрию за убийство Войшелка. «И присла к нему отец его Лев река ему: тако сыну мой Юрью не ходи сам с Литвою, убил я князя ихъ Войшелка, любо восхотять мѣсть створити»³⁷.

Рассказ о трагическом убийстве Войшелка содержится в статье 1268 г., но, как определил М. С. Грушевский, событие это произошло, скорее всего, в 1267 г.³⁸ Этим же временем датирует смерть Войшелка и польский *Рочник Траски*, на что обратил внимание Н. Ф. Котляр³⁹.

В заключение остановимся на проблеме источников летописных известий о Войшелке. Согласно В. Т. Пашуто, жизнеописания литовских князей были со-

34 Зубрицкий Д. *История древнего Галицко-Русского княжества*. Ч. 3. Львов, 1855. С. 191; Грушевский М. С. *Історія України-Руси*. Т. 3. К., 1993. С. 82; Пашуто В. Т. *Очерки по истории Галицко-Волинской Руси*. С. 113.

35 А. Ю. Дворниченко, совершенно справедливо не удовлетворившись объяснением летописцем причин убийства Войшелка, предположил, что оно могло быть ритуальным, вписывающимся в этнографические сведения о «диархии» у различных народов. (См.: Дворниченко А. Ю. О «диархии» в древней Литве. *Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сборник статей памяти проф. И. В. Дубова*. СПб., 2004. С. 182). Предложенный вывод мог бы претендовать на корректность, если бы это убийство случилось, когда Войшелк действительно был «диархом» в Литовском княжестве. В положении же его, как благочестивого монаха православного монастыря, ритуальные мотивы теряли всякий смысл.

36 Пашуто В. Т. *Очерки по истории Галицко-Волинской Руси*. С. 293.

37 *ПСРЛ*. Т. 2. Стб. 891.

38 Грушевский М. С. *Хронологія подій Галицько-Волинської літописи*. С. 46–47.

39 Котляр М. Ф. *Галицько-Волинський літопис*. С. 130.

ставлены неизвестным книжником одного из православных монастырей Литвы. Затем эта «Литовская летопись» была использована галицкими и волынскими летописцами в их княжеских летописях⁴⁰. Н. Ф. Котляр предполагает существование некой повести о взаимоотношениях с Литвой, которая затем была дополнена русскими книжниками сведениями из истории Галичины и Волыни⁴¹. Дэвид Голдфранк, в целом скептически отнесшийся к гипотезе В. Т. Пашуто о литовском летописании, по существу не слишком разошелся с ним в предположении об источнике волынской повести о Войшелке. Согласно ему, кто-то из русских людей, который жил в Литве и хорошо знал литовские дела, а, возможно, и язык, записал цикл литовских известий «в пределах русской летописной традиции»⁴².

Вряд ли есть необходимость так сложно объяснять происхождение источника русских известий о Войшелке. При тех постоянных и тесных контактах Юго-Западной Руси и Литвы, когда литовские князья занимали столы в русских городах, а русские являлись соправителями литовских, нет никакой необходимости предполагать наличие отдельных хроник или повестей, которые освещали бы исключительно «свою» историю. В Литве этого не могло быть по определению, поскольку летописная традиция зародилась там не раньше начала XVI в. Если же предположить, что эту «Литовскую хронику» составил монах одного из русских православных монастырей Литвы, хотя у нас нет для этого совершенно никаких данных, то невозможно себе представить, чтобы русский книжник сосредоточился исключительно на жизнеописании литовских князей и абстрагировался от русских событий. То же самое можно сказать и о предполагаемой «Литовской повести».

Значительно больше оснований полагать, что все сюжеты *Галицко-Волынской летописи*, в которой содержатся рассказы о литовских событиях, принадлежат галицким и владимирским летописцам. При всем желании они не могли создать хронику Галичины и Волыни, не включив в нее сюжеты литовской, польской и даже татарской истории. В реальной жизни все было так тесно переплетено. Что касается Войшелка, то для волынских летописцев он был в такой же мере персонажем их собственной истории, как, скажем, Роман или Шварн Даниловичи.

Об отсутствии какого-то «литовского» (или русско-литовского) протографа жизнеописания Войшелка со всей очевидностью свидетельствуют разночтения, которые имеются у галицкого и волынского летописцев. Они были современниками Войшелка и фиксировали его авантюрную и драматическую жизнь, что называется, по свежим следам. Особенно это относится к волынскому летописцу, тексты которого на пространстве 60-х годов XIII в. определяются характерным литературным клише. Рассказ об убийстве Войшелка он завершил такими слова-

40 Пашуто В. Т. *Очерки по истории Галицко-Волынской Руси*. С. 114–116.

41 Котляр Н. Ф. *Галицко-Волыньский летопис.* С. 119 и сл.

42 Goldfrank David, "The Lithuanian Prince-Monk Vojselk: A Study of Competing Legends," *Harvard Ukrainian Studies*. XI, 1–2 (1987), 46.

ми: «И такъ бысть конѣць убитья его»⁴³. Практически так заканчиваются и сообщения об убийстве Миндовга («И тако бысть конѣць Миндовгову убитью») ⁴⁴ и Треняты («И тако бысть конѣць убитья Тренятина») ⁴⁵. Еще раньше аналогичное выражение было употреблено в рассказе о взятии Бурундаем польского города Сандомира: «И тако бысть конѣць Судомирьскому взатью»⁴⁶.

Если где-то и искать следы литовской традиции о Войшелке, то не в *Галицко-Волынской*, а в *Новгородской первой* и зависимых от нее поздних летописях. Высказанное на этот счет мнение Дэвида Голдфранка, полагающего, что в *НПЛ* содержится версия волынской повести о Войшелке, занесенная в Новгород во времена митрополита Петра (между 1289 и 1332 гг.) не может быть обосновано сколько-нибудь надежными аргументами⁴⁷.

При общем содержательном сходстве рассказов новгородский имеет существенные отличия. Да и по духу он скорее литовский, чем русский. На Святую Гору Войшелк пошел не из Полонинского монастыря, но «от отца своего и от рода своего». Там же он «позна истинную вѣру христьянскую» и постригся «въ мнишескыи чинь». После трех лет пребывания на Святой Горе Войшелк «поиде в землю свою и прииде к отцю своему»⁴⁸.

Отсутствие в этом рассказе свидетельств участия в христианской судьбе Войшелка русских духовников, а также перенесение места его крещения и пострижения из Руси на Святую Гору, дают основания предполагать, что мы имеем здесь дело с преданием, бытовавшим в литовской среде. На Русь оно было принесено, по-видимому, теми литовцами, которые бежали от преследований Войшелка в бытность его великим литовским князем. Тогда же оно было записано новгородским летописцем, после чего и вошло в некоторые поздние летописи⁴⁹.

О том, что это имело место теперь, а не во времена митрополита Петра, убедительно свидетельствует сам рассказ. Он не полный, в нем нет сведений ни о соправительстве в Литве Шварна и Войшелка, ни об отречении последнего от литовского престола в пользу своего зятя, ни, наконец, о трагической его смерти во Владимире. Об этих событиях информаторы новгородского летописца еще не могли знать.

Таким образом, из всего сказанного выше можно сделать вывод, что жизнеописание литовского князя Войшелка является не литературным, но историческим произведением, созданным галицкими и волынскими книжниками в традиционном летописном жанре.

Інститут археології НАН України

43 *ПСРЛ*. Т. 2. Стб. 868.

44 Там же. Стб. 860.

45 Там же. Стб. 861.

46 Там же. Стб. 855.

47 Goldfrank David, "The Lithuanian Prince-Monk Vojtselk: A Study of Competing Legends," 54.

48 *НПЛ*. С. 84–85, 313–314.

49 *ПСРЛ*. Т. 25 (Московский летописный свод конца XVв.) М.; Л., 1949. С. 145.